

Пходъ Игоря на половцевъ.

(Слово о полку Игоревѣ).

Умеръ Владимиръ Мономахъ. Снова начались усобицы князей. Потомки Олега Гориславича, вылетавшіе, какъ тогда говорили, изъ своего осинаго гнѣзда, т.-е. изъ Чернигова, усиливали эти усобицы. Они наводили на Русь «поганныхъ» половцевъ и при ихъ помощи боролись съ Мономаховичами, занимавшими кіевскій престоль. Но вотъ великимъ княземъ дѣлается одинъ изъ Ольговичей—Святославъ, который не поступаетъ, какъ его родичи, а, по примѣру Мономаха, ведетъ борьбу съ половцами. Онъ совершилъ два очень удачныхъ похода противъ нихъ. Русскимъ досталась богатая добыча и много плѣнныхъ, среди которыхъ былъ половецкій ханъ Кобякъ. Князь новгородъ-сѣверскій Игорь, двоюродный братъ Святослава, позавидовалъ этой удачѣ и рѣшилъ самъ предпринять походъ на половцевъ съ другими сѣверскими князьями, не предупредивъ объ этомъ великаго князя Святослава. Походъ состоялся въ 1185 году и былъ очень неудаченъ. Описаніе его находится въ лѣтописи. Кромѣ того, остался очень поэтическій памятникъ XII в. «Слово о полку Игоревѣ»—разказъ одного (неизвѣстнаго) поэта о походѣ Игоря.

Игорь и его сподвижники собираются въ походъ...

Владимиръ, сынъ Игоря, уже готовъ. Его войско стоитъ въ Путивлѣ. Игорь ждетъ брата Всеволода, князя курскаго. Всеволодъ былъ отважный воинъ, «буй-туръ», какъ его называли. Таково же было и его войско. Князь говоритъ о немъ:

«Куряне мои вѣдь опытные витязи;
Дороги имъ знакомы,
Овраги имъ извѣстны,
Луки у нихъ натянуты,
Колчаны открыты,
Сабли наточены».

1 мая 1185 г. Игорь достигъ рѣки Донца. Приближался вечеръ. Князь взглянулъ на небо и увидѣлъ, что солнце померкло: было солнечное затменіе. Игорь сказалъ боярамъ и дружинникамъ: посмотрите, что это значить. Бояре и дружинники посмотрѣли на небо и опустили голову. «Князь, — отвѣчали они, — не добро это затменіе».

Но Игорь рѣшилъ, что солнечное затменіе должно оказаться дурнымъ предзнаменованіемъ не для русскихъ, а для половцевъ и приказалъ переправляться черезъ Донецъ. Вскорѣ развѣдчики донесли, что половцы уже знаютъ о походѣ русскихъ и готовы дать отпоръ.

Настаетъ вечеръ. Повсюду тихо и спокойно. Гаснетъ заря; послѣдній лучъ ея догораетъ. Мгла, густой непроглядный туманъ покрываетъ землю. Смолкаетъ пѣнье соловья. Глубокая ночь. Все спитъ. Начинаютъ просыпаться галки и своимъ крикомъ даютъ знать, что кончается ночь и наступитъ раннее утро.

«Въ полѣ Русь съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести и для князя славы».

Впереди всѣхъ полковъ выдвинуты были стрѣлки. Когда русскіе приблизились, то половецкіе стрѣлки пустили въ нихъ по стрѣлѣ и отступили къ своимъ полкамъ. Передовой русской отрядъ погнался за половцами.

Половцы были разбиты на-голову, и русскіе, разсѣявшись по степи, захватили богатую добычу. Но русскіе углубились далеко въ степь. На другой день на разсвѣтѣ они неожиданно увидѣли передъ собою половецкія полчища.

Русскіе князья были поражены. «Если мы побѣдимъ, — говорили они, — то сами спасемся, а черныхъ людей оста-

вимъ, и будетъ на насъ грѣхъ передъ Богомъ, что ихъ выдали; уже лучше, умремъ ли, живы ли останемся, всё на одномъ мѣстѣ». Придя къ такому рѣшенію, русскіе сошли съ коней и пѣшіе начали битву, хотя влѣдствіе отсутствія воды изнемогали отъ жажды.

Началась битва. Всеволодъ изумлялъ всѣхъ своею храбростью. Онъ скачетъ къ бою, какъ разъяренный туръ; на немъ шлемъ сіялъ, какъ молнія; отъ ударовъ его летѣли во всѣ стороны головы враговъ. Но храбрость не спасла русскихъ. Русскіе были разбиты.

«Зачернѣла земля подъ копытами,
Костью была сплошь засѣяна,
А кровію была полита
И горемъ поросла русская земля».
«Чу! что тамъ шумить,
Что тамъ звенить
Такъ рано передъ зарею?
Это Игорь полки поворачиваетъ,
Жаль ему было
Милаго брата Всеволода».

Окруженный половцами, Игорь видѣлъ, какъ братъ его Всеволодъ отбивался отъ враговъ, и сталъ просить себѣ смерти, чтобы не быть свидѣтелемъ гибели своего брата. Но Всеволодъ не былъ убитъ: онъ попалъ въ плѣнъ. Попалъ въ плѣнъ и Игорь. Русскіе потерпѣли страшное поражение: спаслось только человѣкъ 15.

Вѣсть о гибели русскихъ войскъ, какъ громъ, поразила всю русскую землю.

Сама природа отзывалась на горе русскихъ:

«Никнетъ трава отъ жалости,
И деревья отъ печали къ землѣ наклонились.
Стонетъ, братья, Кіевъ отъ печали,
Стонетъ градъ Черниговъ отъ напасти;
Разлилась тоска по русской землѣ;

Печаль глубокая течетъ среди русской земли,
Приунывъ стоять стѣны городскія,
Поникло веселіе.
Но не воскресить уже храбраго полка Игорева».

Причина такого несчастія заключалась въ томъ, что князья сами ковали себѣ крамолу.

Братъ сталъ говорить брату:
«Это мое и то мое же».



Игорево побоище.

В. М. Васнецова.

Какія тяжелыя думы пенятывались великій князь Святославъ! Поэтъ, написавшій «Слово о полку Игоревѣ», изображаетъ, какъ Святославу снился зловѣщій сонъ. Князю спилось, что его одѣвали чернымъ покрываломъ, черпали для него синее вино, съ землемъ смѣшанное; сыпали на грудь крупный жемчугъ изъ пустыхъ половецкихъ колчановъ. Въ его златоверхомъ теремѣ будто доски были безъ князька (верха), и всю ночь съ вечера каркали вороны. Печальный сонъ оправдался: русскіе разбиты.

«Тогда великій Святославъ
Изронилъ золотое слово,
Со слезами смѣшанное»...

Онъ горько упрекаетъ Игоря и Всеволода за то, что они необдуманно пошли искать себѣ воинской славы безъ его вѣдома... Разгорается сердце стараго Святослава воинскою отвагою. Онъ готовъ итти выручать плѣнниковъ. Но князья, созываемые Святославомъ, собирались медленно, причѣмъ между ними возникали всевозможныя ссоры. А половцы, между тѣмъ, не только вторглись въ предѣлы русской земли, но и сожгли рядъ селеній, взяли городъ Ромны и съ богатой добычей вернулись въ степи.

Въ трогательной картинѣ рисуетъ намъ поэтъ грусть-печаль по Игорѣ его супруги Ярославны:

«Чу! Ярославны слышится гласъ.
Рано безпривѣтной кукушкой кукуетъ она.
Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю!
Омочу бобровый рукавъ въ Каалѣ-рѣкѣ,
Отру у князя его кровавыя раны
На могучемъ его тѣлѣ».

Проливая слезы, она шлетъ свои жалобы вѣтру, славному Днѣпру и свѣтлому солнцу — она проситъ ихъ помочь Игорю вернуться на родину.

Между тѣмъ Игорь жилъ въ плѣну. Половцы относились къ нему съ большимъ почетомъ. Онъ пользовался даже свободой: ему позволяли ѣздить на охоту, куда только пожелаетъ. Предполагая, что плѣнъ его продолжится долго, Игорь выписалъ себѣ священника. Но взятые вмѣстѣ съ Игоремъ въ плѣнъ его конюшій и сынъ тысяцкаго, а также и одинъ половчанинъ Овлуръ предложили ему планъ бѣгства. Бѣжать нельзя было ни днемъ ни ночью, такъ какъ за Игоремъ слѣдила стража. Можно было бѣжать только послѣ солнечнаго заката. Игорь черезъ своего конюшаго велѣлъ передать Овлуру, чтобы тотъ переѣхалъ на ту сторону рѣки съ конемъ. Когда стемнѣло, половцы по своему обыкновенію напились кумыса. Пришелъ конюшій и сообщилъ Игорю, что Овлуръ готовъ. Надѣвъ на себя крестъ и икону, Игорь выползъ изъ своего шатра. Стража, полагая, что Игорь спитъ, веселилась, а Игорь былъ уже за рѣкой и мчался

по степи. Черезъ 11 дней Игорь достигъ Дона. Отсюда онъ направился къ Новгородъ-Сѣверску. Затѣмъ въ Киевъ съ Святославу — проситъ у него помощи противъ половцевъ. Всѣ обрадовались возвращенію Игоря.

Взятый вмѣстѣ съ Игоремъ его сынъ Владимиръ нѣкоторое время оставался въ плѣну послѣ бѣгства своего отца. Потомъ и Владимиръ вернулся, и вернулся съ красною дѣвицею, дочерью половецкаго хана Кончака, на которой онъ женился.

